

Глава 26. Глубокой ночью

Старый лекарь вскоре закончил принимать последних больных. В лечебнице наконец стало тихо, шум и суета дневного люда улеглись. Юный подмастерье закрыл двери и, высунувшись наружу, повесил табличку, извещавшую о временном перерыве.

Ци Цзю открыл глаза и легонько потянул юного евнуха за рукав:

— Наша очередь.

Он просто хотел сэкономить силы, а рукав Юй Юньляна оказался ближе всего. Но юноша вдруг вздрогнул всем телом, резко обернулся и замер, вперив в принца нечитае́мый, пугающе пристальный взгляд. Спустя долгое мгновение он медленно, сантиметр за сантиметром, высвободил ткань из пальцев Ци Цзю, после чего осторожно помог ему подняться.

На людях Юй Юньлян не проронил ни слова. Он сосредоточенно соизмерял каждое движение, набросив руку Ци Цзю себе на плечо и поддерживая его за талию. Опираясь на юношу, принц медленно доковылял до стола лекаря.

«Я что, пропустил какой-то важный поворот сюжета?» — мысленно обратился Ци Цзю к Системе.

Система и сама была в замешательстве. Она лишь видела, что Юй Юньлян, пока поддерживал его в очереди, не сводил глаз с того самого ребенка, которого утешали и баловали родные после кошмара.

«Может, завидует? — предположила Система. — Юй Юньлян, должно быть, тоже боится дурных снов. Попробуй его как-нибудь утешить на досуге».

«Это несложно», — согласился Ци Цзю. Усаживаясь у стола, он закатал рукав, подставляя запястье лекарю.

Пока он вел внутренний диалог с Системой, старик долго слушал его пульс. Лицо лекаря постепенно становилось всё более хмурым и озабоченным, а во взгляде, когда он наконец поднял голову, промелькнуло глубокое сожаление. Раньше он мало что знал об опальном принце, но после нескольких встреч и лечения ран его мнение изменилось. Оказалось, что этот человек вовсе не был тем капризным и беспутным безумцем, каким его описывала молва... Однако смертельный яд в его теле был самой настоящей реальностью.

Лекарь держал руку на пульсе добрую четверть часа, прежде чем отстраниться и взглянуть на стоящего рядом Юй Юньляна.

— Ничего, — Ци Цзю убрал руку и поправил одежду. — Это мой человек, говорите прямо.

— Вашему Высочеству необходим полный покой, — произнес старик. — Этот яд... болезнь не терпит суеты и потрясений.

В народе не принято было обсуждать дела императорской семьи. Старый лекарь, тщательно подбирая слова, вполголоса продолжил:

— Будьте спокойны душой, восстанавливайтесь медленно. Никакого переутомления, никаких ран. Если беречь себя, то через пять, десять лет...

На этом месте старик осекся. Юный евнух, облаченный в черное, нахмурился и принялся стремительно жестикулировать, обращаясь к принцу. В его движениях не было и тени почтения — лишь жгучая, почти яростная тревога.

— Он спрашивает, — Ци Цзю, поняв смысл жестов, перевел, — как это — пять или десять лет? Это никуда не годится.

Он посмотрел на Юй Юньляна, потом снова на лекаря:

— Слишком медленно. Он хочет знать, как поправиться немедленно.

Лекарь опешил, а затем лишь горько и беспомощно покачал головой:

— Маленький евнух...

Он повидал в своей жизни немало смертей и твердо знал: в таких делах лучше сказать горькую правду сразу.

— Я имел в виду, что при должном уходе Ваше Высочество, возможно, сможет продержаться эти пять или десять лет.

Старик замолчал на мгновение, а затем добавил:

— Яд коварен. Он может забрать жизнь в любой момент, когда случится очередной приступ.

Юй Юньлян замер, его руки бессильно опустились. Лицо юноши мгновенно стало мертвенно-бледным.

— Остается только беречься, другого пути нет, — негромко добавил лекарь. — Яд слишком свиреп и властен... Каждая вспышка отнимает часть жизненных сил.

Семь дней лихорадки и озноба, с первой же секунды сопровождаемые болью, пробирающей до костей, — такие муки выдержит далеко не каждый. То, что этот принц сохранял самообладание, мог ходить и говорить, казалось чудом. Либо он от природы не чувствовал боли, либо обладал волей, недоступной простым смертным.

Лекарь, проникшись невольным уважением, выписал рецепт, но счел своим долгом предупредить:

— Даже это лекарство не принесет исцеления.

— Самые лучшие снадобья способны лишь немного притупить боль или погрузить в глубокий сон во время приступа. Они не лечат саму причину, лишь избавляют от части страданий.

Но даже такой паллиатив стоил баснословно дорого: один прием обходился в пол-ляна серебра. Обычным людям это было не по карману. С другой стороны, обычные люди и не становились жертвами столь изысканных и жестоких ядов.

В столице знали, насколько обветшало и обеднело поместье свергнутого принца. Старый лекарь, прижимая ладонью свежий рецепт, с сомнением обратился к гостю:

— Ваше Высочество...

Но рецепт тут же перехватила бледная рука. Юй Юньлян отдал бумагу подмастерью, а сам не сводил глаз с Ци Цзю. Принц лишь виновато кивнул лекарю и, обернувшись к юноше, тихо прошептал:

— Это слишком дорого.

Юй Юньлян плотно сжал губы, уголки его глаз мелко подергивались. Казалось, он вот-вот сорвется на крик, но в последний момент юноша сглотнул слова и лишь резко полоснул ладонью по воздуху: «Пить лекарство!»

— Нельзя же так сорить деньгами, — попытался урезонить его Ци Цзю. — Всё в порядке, мне правда не больно.

И это было чистой правдой, но Юй Юньлян скорее бы поверил в чудо. Тот измятый рукав, за который принц держался полвечера, говорил громче любых слов. Юноша наконец осознал: те двое суток в водяной тюрьме яд уже терзал принца, и тот, скорее всего, пролежал все эти дни в забвении. И даже после такого этот упрямец, забираясь в карету, посмел сказать, что просто «задержался по делам».

Юй Юньлян не желал слушать никаких оправданий. Он отвесил лекарю глубокий поклон и достал из рукава свой старый, потрепанный сверток. На стол легло всё его имущество: семь с

половиной лянов серебра, нефритовый браслет и две золотые пластинки в форме листьев — крохи, накопленные за долгие годы службы. Он развернул ткань и решительно подтолкнул богатство к старику.

— Столько не нужно, — испуганно замахал руками лекарь. — Серебра более чем достаточно.

Денег действительно требовалось меньше, ведь пик приступа уже миновал.

— Когда яд пробуждается, Вашему Высочеству категорически нельзя вступать в схватки, — строго добавил старик.

Он видел, что Ци Цзю владеет боевыми искусствами, но каждое применение силы лишь глубже вгоняло яд в кости.

— Нужно забыть о мирской суете и посвятить себя лечению... Иначе боль станет невыносимой. Вы просто умрете от мук.

Лекарь не лгал: подобные страдания и впрямь могли свести в могилу. Смерть в таких случаях казалась избавлением. В прошлом, когда в императорском дворце этим ядом карали изменников, старику доводилось видеть финал... На пике болей люди не ждали, пока яд доделает работу, а бросались на любой клинок, лишь бы прекратить это существование.

Старик, увлеченный наставлениями, не заметил, как Юй Юньлян стал бледнее мела, а его тело — жестким, как у мертвеца. Юноша смотрел на Ци Цзю, его пальцы побелели от напряжения, а дыхание стало едва заметным, словно он забыл, как дышать.

— Ваше Высочество еще молоды, ваша внутренняя энергия велика, и вы пока способны сдерживать недуг.

Заметив состояние юноши, лекарь всё же решил дать ему хоть какую-то надежду:

— Сейчас ситуация не столь критична... Но будьте предельно осторожны. Больше нельзя драться. Вся ваша внутренняя сила должна уходить на подавление яда. Каждая битва — это потерянная частица жизни.

Если настанет день, когда ци иссякнет, а яд развернется в полную силу, спасти его не смогут даже небожители.

Ци Цзю выслушал всё до конца, поблагодарил лекаря и, опираясь на Юй Юньляна, поднялся. Подмастерье собрал лекарства, отсчитал пол-ляна серебра и передал увесистый сверток в руки юноши.

Юй Юньлян до боли сжал лекарства в ладони. Потрепанный сверток со сбережениями едва не остался на столе, но Ци Цзю вовремя подхватил его и сунул обратно юноше.

— Решил оставить его здесь?

Принц аккуратно сложил ткань, засунул сверток Юй Юньляну за шиворот и ласково похлопал по плечу. Юноша поднял на него взгляд. В его лице не было ни кровинки, лишь глаза горели лихорадочным черным блеском, а сам он замер, точно каменное изваяние.

«А старик-то мастер своего дела, — прокомментировала Система. — Его слова точь-в-точь совпадают с описанием в моих базах данных... Если удача отвернется от тебя, именно так ты и закончишь».

Ци Цзю привалился к плечу Юй Юньляна, чувствуя на себе его тяжелый, почти осязаемый взгляд. Принц со вздохом обратился к Системе:

«Да, мастер. Но нельзя ли сделать так, чтобы Юй Юньлян всего этого не слышал?»

«Никак, — отозвалась Система. — Мне что, превратиться в ватные шарики и заткнуть ему уши?»

Идея была неплохой, но едва ли исполнимой. Юноша бы просто вытащил их и разорвал в клочья.

Ци Цзю с легким сожалением позволил себя вести к выходу. Он слегка коснулся локтя юного евнуха и незаметно показал жестом: «Всё это еще не точно». На языке, понятном Юй Юньляну, принц пытался убедить его: «Немного жара, немного холода, крепкий сон — и всё пройдет».

Юй Юньлян, наполовину поддерживая, наполовину обнимая его, остановился у кареты и вдруг глухо спросил:

— Сколько у тебя жизней?

Ци Цзю и сам не знал.

«Система, сколько у меня жизней?»

«Одна, — буркнула та. — Что за вопросы? Мы же не в сказке о бессмертных».

Ци Цзю кивнул, глядя на застывшего, ледяного Юй Юньляна. Поразмыслив немного, он вдруг тихо рассмеялся и положил ладонь на затылок юноши.

— Девять. У меня девять жизней, — совершенно серьезно ответил принц. — Сейчас осталось восемь с половиной.

— Хорошо, — коротко бросил Юй Юньлян.

Ни его эмоции, ни уровень «черноты» в душе не изменились, и Система не могла понять, поверил он или нет. Но под этой ладонью на затылке юноша словно начал понемногу оживать. Он бережно помог Ци Цзю забраться в карету, смахнул все подушки в сторону и устроил голову принца у себя на коленях.

— Спи, — велел Юй Юньлян. — Я отвезу тебя домой.

Ци Цзю послушно закрыл глаза, но тут же снова открыл их:

— А ты?

Юй Юньлян повернул голову к окну. Они провели в лечебнице полдня. Весна только начиналась, и сумерки спускались рано — небо уже затянуло густой серой дымкой.

— Я... тоже вернусь с тобой, — после долгого молчания прошептал он. — Я никуда не уйду, — юноша словно знал, что именно это хочет услышать Ци Цзю. Голос его звучал глухо и надтреснуто. — И ты не смей никуда бежать.

Ци Цзю удовлетворенно улыбнулся и наконец позволил векам сомкнуться. Юй Юньлян бережно придерживал его. Стоило принцу уснуть, как он снова преобразился — исчезла та властная аура, заставившая Цзян Шуня трепетать и отпустить пленника, остались лишь изматывающая болезнь и яд.

На повороте карету тряхнуло. Юй Юньлян мгновенно вскинул руку, оберегая бесчувственного принца. Он осторожно уложил его поудобнее. Карета была тесной, и Ци Цзю с его высоким ростом едва в ней помещался. Впрочем, этот несносный транжира вряд ли бы стал ворчать по такому поводу. Человеку, провалившемуся в забытье, всё равно, на чем лежать и насколько это удобно.

Юй Юньлян крепче обнял его, стараясь согреть своим телом. Осторожно, боясь причинить боль, он сдерживал ту внутреннюю, ледяную дрожь, что исходила от самого сердца Ци Цзю.

— Холодно? — шептал он. — Больно? Скажи, как сильно болит?

Но спящий не мог ему ответить. Юноша чувствовал лишь нарастающий озноб, исходящий от костей, пропитанных ядом. Он прижал принца к себе еще сильнее.

Юй Юньлян мрачно смотрел в полумрак тесного экипажа. Не стоило экономить, нанимая такую развалюху. Ему нужны были деньги. Этот принц оказался бездонной пропастью, пожирающей серебро.

Юный евнух опустил взгляд, погружаясь в воспоминания своей прошлой жизни. Он лихорадочно припоминал все дома, которые ему довелось обыскивать. Он помнил, что перед тем, как он прикончил Цзян Шуня... тот, в надежде на легкую смерть, выдал ему немало тайников. Спрятанное золото и драгоценности Директората церемоний, богатства, которых не было ни в одном реестре.

«Где же они были спрятаны?»

Следующие три дня Юй Юньлян провел, не отходя от принца ни на шаг. Лекарства по пол-ляна за дозу помогали: после них Ци Цзю мог поспать около часа, но затем озноб возвращался с новой силой. «Холодный яд» терзал его изнутри, тело принца содрогалось в конвульсиях, но даже тогда он умудрялся шутить.

— Держи чашку ровнее... Как мне так пить?

Юй Юньлян не спорил:

— Это у меня руки дрожат.

Ци Цзю, не ожидавший такой покорности, удивленно вскинул брови и сделал несколько глотков. Но стоило ему проглотить снадобье, как он зашелся в кашле, расплескав половину.

— Всё еще холодно? — Юй Юньлян встревоженно нахмурился. — Где болит?

Он достал из тайников Цзян Шуня лучшие меха и укутал ими принца. На плечах Ци Цзю лежала тяжелая, дорогая шуба, но она ничуть не помогала. Принц терпеливо ждал, пока приступ утихнет.

— Ну же, держи крепче, я попробую еще раз.

Юй Юньлян забрался на тахту, обхватил его со спины, поддерживая за плечи, и поднес чашу к губам. На этот раз Ци Цзю смог допить лекарство. Он поморщился от горечи, и юноша тут же сменил чашу на подслащенный отвар из бамбукового ведерка.

— Нельзя пить только это, — Юй Юньлян бережно поил его маленькими глотками. — Ты совсем ослабнешь.

— Не ослабну, — хрипло отозвался Ци Цзю.

Ему действительно было не до еды. Даже если боль и не передавалась полностью, ощущение тяжести в желудке никуда не исчезало. Из-за того, что он задействовал внутреннюю энергию, яд разбушевался не на шутку, и пищеварение практически остановилось. Даже если бы он смог что-то съесть, его бы тут же вывернуло наизнанку. Не стоило переводить зря деньги Юй Юньляна.

За эти дни Ци Цзю невольно заразился бережливостью юноши. Прежде чем о чем-то попросить, он сначала прикидывал стоимость.

— Кстати... — он коснулся меха. — Это-то откуда взялось?

— Не твоя забота, — Юй Юньлян плотнее запахнул на нем шубу. — Почему ты до сих пор ледяной? Что еще может тебя согреть?

Способов не было. Этот холод шел изнутри, от самых костей, и внешнее тепло было лишь слабой иллюзией. Ци Цзю высвободил руку из-под меха и успокаивающе похлопал юношу по плечу:

— Всё в порядке.

— Как это может быть в порядке? — глухо отозвался Юй Юньлян. — У тебя скоро останется всего восемь жизней.

Ци Цзю не ожидал от него шутки. Он довольно улыбнулся:

— Значит, у меня их еще достаточно. Целых восемь!

— Мало, — отрезал юноша.

Не желая больше утомлять его разговорами, он дождался, пока принц проглотит лекарство, и помог ему лечь. Ци Цзю послушно закрыл глаза. Но стоило ему почувствовать какое-то движение рядом, как он тут же проснулся.

— Ты куда?

Юй Юньлян, уже собиравшийся сползти с тахты, был пойман на месте. Он ладонью прикрыл

глаза принца:

— Принесу что-нибудь теплое.

Он вспомнил, что в сокровищнице Цзян Шуня были куски превосходного «теплого нефрита» и грелки куда изящнее тех, что покупал Ци Цзю. Одна из них была обшита мягким кроличьим пухом — ее было приятно держать в руках. Юноша заботливо поправил меха на плечах принца:

— Отдыхай.

Он всегда говорил сухо и коротко, но в этот раз в его голосе прозвучало нечто похожее на заботу. «Клинок» начинал постепенно оттаивать, и Ци Цзю решил закрепить успех.

— Глубокая ночь на дворе, — прошептал он. — Где ты найдешь что-то теплое? Лучше ложись рядом. Ты ведь сам очень теплый.

В последние дни Юй Юньлян стал покладистее: он перестал ночевать во дворе и перебрался в спальню принца, хоть и спал по-прежнему в углу на полу. Это был прогресс, но сон в углу не шел на пользу — юноша часто метался и стонал во сне. Человеку нужно спать в постели, а не сворачиваться клубком на жестких плитах — это пробуждало слишком много горьких воспоминаний.

У Системы был один полезный «Золотой палец» под названием «Крепкий сон», который идеально подходил для тех, кто страдал от бессонницы или кошмаров. Ци Цзю три дня прикидывал, как бы применить его к Юй Юньляну. Но тот оставался холодным и неприступным, лишь упрямо поправлял на принце меха.

— Я не теплый, — возразил юноша. В мерцающем свете лампы он казался почти покорным. — От меня... нет такой пользы. Я не грелка.

Юй Юньлян не понимал, почему Ци Цзю не отпускает его, но решил, что за сокровищами Цзян Шуня отправится завтра. Сегодня он лишь хотел выйти на кухню, чтобы добавить углей в грелку и наполнить очищенные бараньи кишки горячей солью. Он попытался объяснить это принцу, понемногу высвобождая свой рукав.

Он торопливо хлопотал по комнате: то подсыпал угля, то прокаливал соль, то ставил греться воду, чтобы сделать горячий компресс. Он даже принес Ци Цзю пару свежих ивовых веток — хоть он и не понимал, что в них интересного, но раз принцу нравилось вертеть их в руках, Юй Юньлян каждое утро выбирал самые красивые.

Юноша крутился как белка в колесе, на его лбу выступили капли пота. Вдруг в тишине дома

послышался грохот упавшей черепицы. В следующую секунду раздался испуганный крик немого слуги, убравшего двор. Лицо Юй Юньляна мгновенно преобразилось. Он бросил всё, что держал в руках. Блеснул кинжал, и юноша бесшумным призраком растворился в тенях.

У него не было внутренней силы, он не мог превращать ивовые листья в смертоносные лезвия, но скрытность и умение убивать одним ударом были тем, чему евнухов обучали в совершенстве. В несколько мгновений Юй Юньлян кратчайшим путем вернулся в спальню. Там, у самой тахты, он застал черную тень. В руках незваного гостя тускло блеснуло нечто зловещее. Иглы, покрытые ядом...

Это было излюбленное оружие евнухов, но не тех, что служили в Сылицзяне. Такие приемы использовали в Восточной и Западной Оградах — личные ищейки императора. Опальный принц не только выжил, но и посмел вломиться в Директорат церемоний, а затем еще и увести с собой преступника. Столь явные перемены встревожили того, кто сидел за высокими стенами дворца.

Кинжал Юй Юньляна был быстрее. В мгновение ока он оказался у постели. Широким рукавом юноша смахнул летящие иглы, а вторым движением вогнал клинок в плечо убийцы. Нападавший был опытным бойцом, значительно превосходя семнадцатилетнего евуна в силе, и, оправившись от неожиданности, он с яростью перехватил руку юноши и с силой отшвырнул его к стене.

Юй Юньлян с глухим стуком ударился затылком о кирпичи. Перед глазами поплыл черный туман.

— Евнух? — нападавший присмотрелся к нему. — Из Директората церемоний?

Тело юноши содрогнулось от удара. Убийца подошел ближе и сдавил его горло, давая понять: еще одно движение — и его шея хрустнет.

— К чему это рвение...

Но Юй Юньлян не собирался сдаваться. Он перехватил кинжал и с силой вонзил его в руку, сжимавшую его горло. Лицо юноши оставалось бесстрастным, каждый его удар был нацелен на смерть. Он не думал о себе — его клинок мог пронзить руку врага и войти в собственное горло, но ему было всё равно. Убийца не ожидал такой ярости. Он вздрогнул и с силой бросил «безумного мальчишку» на тахту.

— Неужели Сылицзянь решил пойти против воли Его Величества?!

В его голосе прозвучала неприкрытая злоба. Тон был тонким и певучим — это действительно был палач из Восточной Ограды. Юй Юньлян упал, но тут же, пошатываясь, поднялся и заслонил собой Ци Цзю. Его черные глаза смотрели на врага с немим вызовом. Убийца, окончательно разъяренный, подобрал упавший кинжал, намереваясь покончить с дерзким

юнцом. Он сделал шаг вперед, но вдруг замер. Лицо его мгновенно побледнело, он судорожно схватился за пояс, и в глазах отразился непередаваемый ужас.

Когда у него успели выкрасть «мягкий меч»?

На лбу убийцы выступил холодный пот. Он медленно опустил взгляд и увидел кончик своего собственного клинка, приставленный к его горлу.

— Неплохой меч.

Ци Цзю, закутанный в меха, наконец высвободил руку и небрежно взвесил оружие в ладони.

— Как думаешь, он чего-то стоит?

Он притянул к себе Юй Юньляна, который едва держался на ногах, и успокаивающе похлопал его по плечу. Нападавший с трудом сглотнул, его голос дрожал от страха:

— Ваше... Ваше Высочество...

— Вещь ценная, — Ци Цзю, сверившись с Системой, передал меч юноше. — Теперь он твой.

Юй Юньлян молча принял оружие. Его пальцы, спрятанные под мехом, судорожно сжали плечо принца. Противостояние длилось бесконечно долго, пока убийца, окончательно лишившись мужества, не отступил назад и не выпрыгнул в окно, зажимая раненое плечо.

Ци Цзю прислушивался к ночной тишине. Спустя время он наконец тяжело закашлялся. Юй Юньлян тут же отбросил меч и подхватил принца за плечи, пытаясь удержать его.

— Всё хорошо... — прошептал Ци Цзю. Из рта хлынула кровь, и он ладонью стер алые потеки с лица юноши. — Тебе больно? Сильно ударился?

Юй Юньлян закусил губу до крови и яростно замотал головой, продолжая вытирать кровь с лица принца. На этот раз Ци Цзю действительно не использовал внутреннюю силу — он лишь разыграл спектакль, чтобы прогнать врага. Кровь, которую он сейчас выплевывал, была той самой, что он сдерживал, пока сохранял властный вид.

— Не смотри... иди...

— Не пойду, — негромко ответил юноша. — Сил нет. До завтра подождешь.

Ци Цзю лишь хотел, чтобы он принес горячей воды и приложил компресс к синякам на шее.

Он слабо улыбнулся:

— А ты знаешь... куда я хотел тебя отправить?

Юй Юньлян никуда не хотел идти. Удар о стену был слишком сильным, горло болело так, словно его раздавили, а перед глазами всё еще плыли круги. У него осталась последняя капля сил, и он собирался потратить её здесь, охраняя Ци Цзю. Если придет другой убийца, пусть сначала пронзит его тело, прежде чем доберется до принца.

Юноша дождался, пока Ци Цзю перестанет кашлять кровью, подал ему воды, чтобы тот сполоснул рот. Он помог принцу лечь, а сам буквально сполз на пол. Юй Юньлян дополз до кинжала, спрятал его за пазуху и, шатаясь, забрался обратно на тахту. Изможденный юноша нырнул под меховое одеяло, крепко обнял Ци Цзю и мгновенно погрузился в тяжелое, глубокое беспамятство.

<http://bllate.org/book/16113/1591133>